

Н.Д. Косухин

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ
И ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ
МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В АФРИКЕ**

Современная теория политического плюрализма

Плюрализм как политическая теория сформировался главным образом в США и Великобритании. Истоки современного плюрализма содержатся уже в документе № 10 «Федералиста» четвертого президента США Джеймса Мэдисона. Для предотвращения господства отдельных лиц и групп над властью Дж. Мэдисон выдвинул идею диффузии (распространения) власти, которая получает свое воплощение в демократической форме правления.

Систематическое обновление плюрализм получил в период становления буржуазной политической системы. Плюрализм с самого начала рассматривался как дополнение к концепции разделения властей и прав человека.

В современной науке политический плюрализм означает признание естественности (законности) существования различных интересов, взглядов, позиций, мнений, их свободное выражение, защиту и политическую терпимость. Политический плюрализм означает также наличие многообразия политических партий, общественных объединений, организаций с присущими им идейными и политическими позициями, которые способствуют осуществлению их интересов и целей [1, с. 59].

Таким образом, политический плюрализм означает свободу политического самовыражения, выражения лично или через политические организации своих соображений и позиций. Плюрализм, по существу, затрагивает основы общественного устройства государства и прежде всего пробле-

му сущности политического режима. Демократический режим обеспечивает развитие плюрализма и артикуляцию многообразных интересов различных слоев общества. Плюрализм обеспечивает конкретные механизмы участия граждан в политическом процессе через деятельность партий, групп давления или общественных организаций. Вместе с тем плюрализм начинается там, отмечает отечественный философ Т.А. Алексеева, где формируются «различия во мнениях при условии согласия с основными принципами общественного устройства» [2, с. 44].

Основа гражданского общества состоит в плюрализме, который проявляется в сочетании и учете интересов самых разнообразных социальных и политических сил, достижения консенсуса между ними. «Чтобы демократия была действенной, нужен плюрализм гражданского общества», отмечает немецкий политолог Р. Дарендорф [3, с. 796]. Американский политолог Роберт Даль выдвинул концепцию полиархии (от греч. *polys* – многочисленный, *arch* – править), означающую правление всех граждан [3, с. 619]. В последующем концепция полиархии дополнялась существенными признаками, затрагивающими институциональные, процессуальные и культурологические аспекты плюралистической демократии. Р. Даль выделил семь признаков полиархии:

1. Выборность органов власти, гарантированная конституцией; с помощью выборов осуществляется контроль над правительственными решениями.

2. Регулярное и периодическое проведение свободных и честных выборов, при которых исключен механизм принуждения.

3. Всеобщее избирательное право, когда практически все взрослое население наделено правом участия в выборах.

4. Право быть избранными в органы власти; практически все взрослое население наделяется данным правом, хотя возрастной ценз для права быть избранным может быть выше, чем для права участвовать в выборах.

5. Свобода самовыражения. Граждане имеют право на свободу высказывать свое мнение без страха подвергнуться наказанию по широкому кругу политических проблем, включая критику органов власти, правительства, режима, социально-экономического строя и господствующей идеологии.

6. Альтернативная информация. Граждане имеют право добиваться альтернативных источников информации. Более того, эти альтернативные источники охраняются законами.

7. Автономия ассоциаций. Для реализации своих многообразных прав граждане имеют также право создавать относительно независимые ассоциации и организации, включая политические партии и группы по интересам [4, с. 221].

Выделенные признаки полиархии, которые необходимо рассматривать комплексно, в их взаимосвязи, с одной стороны, позволяют систематизировать основные черты современной демократии, а с другой – оценивать степень демократического развития в каждой отдельной стране.

Р. Даль отмечал ряд условий, обеспечивающих стабильность полиархии:

- политические лидеры для завоевания власти и ее обеспечения не должны прибегать к средствам принуждения, т.е. использованию силовых структур (армии, полиции);
- необходимо наличие современного, динамичного общества, организованного на плюралистических принципах;
- конфликтный потенциал субкультурного плюрализма должен уравниваться высоким уровнем терпимости;
- среди граждан государства, особенно политически активных слоев необходимо наличие политической культуры и системы убеждений, тяготеющих к идеям демократии и полиархии [4, с. 225].

Существенным тормозом Р. Даль считает чрезмерную концентрацию и централизацию власти. Поэтому важным фактором развития полиархической демократии является рассредоточение экономических и политических ресурсов.

К концепциям полиархической демократии тесно примыкает модель общественной демократии (совместная власть, соучастие в отправлении власти). Теоретическая модель общественной демократии была разработана американским исследователем голландского происхождения А. Лейпхартом. Это модель демократического развития в ряде государств, отличающихся многосоставным (плюралистическим) характером общественной структуры, где общество разделено на множество сегментов. Такое общество отличается двумя главными особенностями:

- во-первых, вертикальной сегментацией населения на различные языковые, этнические, расовые или идеологические общности;
- во-вторых, институционализацией процесса их взаимодействия, которая осуществляется на уровне элит этих общностей.

А. Лейпхарт на основе опыта политического развития ряда государств (Австрия, Бельгия, Канада, Нидерланды, Швейцария) пришел к выводу, что достижение национально-го согласия в многосоставных обществах возможно при следующих условиях:

- осуществление власти «большой коалиции» всех значительных сегментов многосоставного общества; она может выступать и как кабинет «большой коалиции» в парламентской системе, и как коалиция президента с другими должностными лицами при президентской форме правления, и как большой коалиционный комитет с важными совещательными функциями;
- пропорциональное представительство сегментов общества во всех ветвях государственной власти;

- взаимное вето;
- высокая степень автономности сегментов общества [5, с. 182–183].

Все эти признаки отличают режим общественной демократии.

Для общества с моделью общественной демократии характерна, с одной стороны, относительная непроницаемость социальных связей между сегментами, а с другой – прочные вертикальные связи, объединяющие массы с элитой внутри каждой субкультуры. Поэтому отличительной чертой этого типа демократии является институционализация соглашения путем переговоров между элитами различных блоков. В связи с этим к ней часто применяют также термин «консенсусная демократия» в противовес мажоритарной демократии, где принятие решений основано на дихотомии «большинство – меньшинство».

На практике данная модель существовала не только в странах Запада, но и в ряде развивающихся стран на отдельных этапах их политического развития, например, в Ливане, Малайзии, Нигерии, Индии, ЮАР. В связи с этим некоторые исследователи, учитывая крайне неоднородный характер обществ развивающихся стран, рассматривали вариант общественной демократии как наиболее оптимальный для этих государств.

Надо признать, что модель общественной демократии в значительной степени носит теоретический характер. Об этом свидетельствует дальнейший ход мысли А. Лейпхарта. Так, по его мнению, для формирования и функционирования общественной демократии необходимы девять условий, из которых два имеют наибольшее значение: 1) отсутствие такого сегмента, который представлял бы собой абсолютное большинство и 2) отсутствие значимого социально-экономического неравенства между сегментами. Остальные семь благоприятных условий не столь принципиальны, хотя они сохраняют известное значение. К ним отно-

ются: 3) примерно одинаковые размеры сегментов (численность групп), что позволяет обеспечить равновесие сил между ними; 4) ограниченность числа групп, чтобы переговоры между ними не превратились в слишком сложный процесс; 5) относительно небольшой размер страны, что упрощает процесс принятия решений; 6) наличие внешней опасности, способствующей усилению внутреннего единства; 7) наличие общих, единых для всех сегментов общества ориентаций, смягчающих ориентации отдельных его сегментов; 8) компактное проживание групп населения, составляющих сегменты, что позволяет при необходимости прибегать к федерализму как форме обеспечения их автономии; 9) наличие исторических традиций достижения компромисса и согласия.

А. Лейпхарт считает, что президентское правление и мажоритарную избирательную систему нельзя считать абсолютно несовместимыми с общественной демократией, но гораздо более предпочтительны для нее парламентское правление с коллегиальным органом во главе исполнительной власти и пропорциональная избирательная система [5, с. 28–29].

В африканских странах такие условия вряд ли возможны, но здесь важно учитывать общий подход к решению непростой проблемы, имеющей принципиальное значение.

В этом контексте заслуживают внимания его соображения относительно тех институтов, совокупность которых могла бы обеспечить стабильность и способствовать демократическому развитию в полиэтническом государстве. К таким институтам он относит многопартийность, в том числе и многопартийный кабинет министров, пропорциональное представительство в законодательных и исполнительных органах власти, политическую децентрализацию, законодательное закрепление прав меньшинств. Для того чтобы эти институты оказались эффективными, в состав правящей коалиции и государственного аппарата должны входить представители всех значительных этносов [6, с. 23].

Каждый этнос должен обладать правом налагать вето на решения, затрагивающие его интересы, и каждый этнос должен иметь возможность самостоятельно вести собственные дела. Эти институты и меры вписывались в его идею общественной демократии.

Межэтническая напряженность может быть снята, если этносы на практике доверяют судебной системе, ориентированной на обеспечение равенства прав всего населения, независимо от этнической принадлежности. В тех случаях, когда этническая группа находится в неравноправном положении с точки зрения ее позиций в экономической и социальной сфере, требуются специальные меры для поднятия экономического статуса и благосостояния данного этноса.

Проблема политического плюрализма для африканских стран имеет особое значение, поскольку африканские общества по своей природе плюралистические: с точки зрения этничности, культуры, языка, конфессий, социально-возрастных групп и т.п.

Проблема плюрализма в Африке широко обсуждается в западной политической науке. Высказаны различные точки зрения на сущность плюралистического общества в большинстве бывших колониальных территорий. По мнению американских исследователей Л. Купера и М. Смита, плюралистические общества представляют собой агрегат различных слабо связанных или совсем не связанных между собой социальных единиц, в роли которых обычно выступают этнос, община, каста, большая семья и т.п. Эти социальные общности, существующие в рамках одной и той же политической или административной единицы, имеют ярко выраженные религиозные, культурные и языковые различия.

Антрополог Ван ден Берг дополняет эти основные признаки плюралистического общества следующими чертами: 1) отсутствие общепринятых ценностей; 2) наличие культурной гетерогенности; 3) наличие конфликтных ситуаций между основными социальными группами;

4) автономное существование отдельных частей социальной системы; 5) относительная значимость насилия и экономического взаимодействия как основы социальной интеграции; 6) политическое преобладание одной из корпоративных групп над остальными и 7) приоритет сегментарных, утилитарных, функционально специфичных отношений между корпоративными группами и преобладание всеохватывающих, неутилитарных, четко не выделенных связей внутри каждой из таких групп [7, р. 67–68]. По словам Ван ден Берга, его концепция социального плюрализма является как бы более «собирающей», но вместе с тем совпадающей в своей основе с характеристиками Л. Купера и М. Смита.

Таким образом, «плюралистическое общество» оказывается эквивалентом любого неразвитого в социально-экономическом отношении общества, включающего целый ряд различных социальных образований, не имеющих еще экономической, культурной, национальной общности. Несложно заметить, что по своему смыслу понятие «социального плюрализма» приближается к таким широко используемым в социологии терминам, как «традиционное», «переходное» или «призматическое» общество. В конечном счете все эти термины служат для обозначения и описания различных типов обществ, не принадлежащих к индустриальной цивилизации. Недостаток данных концепций заключается в том, что в их рамках растворяются такие специфические черты любого общества, как уровень социально-экономического развития, особенности культурной, политической и религиозной жизни, этнический состав и т.д. Американские авторы пытаются как-то углубить концепцию «плюралистического общества», наполнить ее определенным историческим содержанием. Так, Л. Купер конструирует две наиболее возможные модели «социального плюрализма»: «сбалансированную» и «конфликтную». Прототипом «сбалансированной» модели служит такое «плюралистическое общество», интеграция которого достигается за счет «функциональных

связей между институтами и общепринятыми ценностями или за счет динамичного баланса множества независимых социальных групп, с их ограниченными функциями и множеством межличностных связей» [7, р. 17]. Л. Купер не расшифровывает более подробно смысл своего построения, однако, судя по контексту, можно сделать вывод, что «сбалансированная» модель является эквивалентом общества, в котором отсутствуют трения или конфликтные ситуации между отдельными социальными (этническими, религиозными и т.д.) единицами, существующими в рамках такого общества в состоянии устойчивого «равновесия». «Конфликтная» модель, напротив, отражает существование в обществе подобных напряжений и конфликтных ситуаций. По мнению Л. Купера и М. Смита, модели «социального плюрализма» могут служить теоретической основой для социологического анализа африканских обществ. В результате такого анализа, считают они, можно разработать пути и методы трансформации обществ в тот тип, который соответствует более эффективной «сбалансированной» модели.

Главными предпосылками развития плюралистического общества в общество, социально сбалансированное, М. Смит считает следующие: во-первых, эффективную институционализацию условий для социального и политического равенства в стране, и прежде всего ликвидацию элитарных или этнических привилегий; во-вторых, создание равных и необходимых условий для членов различных социальных групп в экономической и профессиональной областях и в сфере образования; в-третьих, введение всеобщей свободы слова, вероисповедания, свободы шествий, собраний, структурные сдвиги в экономической, политической и культурной сферах, которые могут и должны стать реальным залогом введения подлинно демократических свобод в плюралистическом обществе.

Однако, как считает сенегальский исследователь П. Диань, главная проблема многообразия и плюрализма в

постколониальной Африке заключается «в невозможности воспитать людей таким образом, чтобы они вышли из состояния общинности (societies) к гражданственности и почувствовали общую судьбу и ответственность вне традиционной и психологической боязни и противодействия, связанных с расовыми, этническими или культурными различиями» [8, p. 84].

Вместе с тем полиэтнические общества, так же как и многонациональное государство, не могут существовать без некоторых общепринятых надэтнических ценностей и должны ради самосохранения стремиться хотя бы к минимальной интегрированности. Этносоциальная и национально-политическая интеграция формируется на основе согласия большинства людей различного этнического происхождения следовать единой системе ценностей.

В последние годы в рамках теории плюрализма появилась концепция мультикультурализма, которая возникла на американской почве, изобилующей этнокультурным многообразием.

Мультикультурализм используется, как правило, в двух основных значениях. В первом – это этнокультурная фрагментация социума. В другом – это «многокультурность в рамках общей культурной общности». Этот термин выступает синонимом разнообразия, выделения этнических ценностей. В таком смысле мультикультурализм применим к африканским реалиям, поскольку занимается такими проблемами, как этническая идентичность, самоопределение, права меньшинств, практика многосоставных демократий и др.

Как бы ни трактовался мультикультурализм, он способствует поискам оптимальных путей решения проблем «культурного разнообразия», дискриминации этнокультурных меньшинств, ведет к толерантности в обществе [9, с. 77].

Российский этнолог В.А. Тишков считает, что «мультикультурализм – это не просто процедура эмпирического установления и признания в том или ином обществе или го-

сударстве наличия культурных различий у разных групп населения. Мультикультурализм есть также определенная концептуальная позиция в сфере политической философии и этики, которая может воплощаться в правовых нормах, отражаться в характере общественных институтов и в повседневной жизни людей. Главное во всем этом – обеспечить поддержку культурной специфики и возможности индивидов и групп полноправно участвовать во всех сферах общественной жизни от экономики и политики до культуры» [9, с. 69].

Концепция мультикультурализма противостоит ассимиляционистской доктрине «плавильного котла». Опыт независимого развития африканских стран показал, что программа социальной ассимиляции в рамках «нации-государства» не оправдала себя.

Начались поиски программ, учитывающих этническую автономию, а также федеральный принцип государственного устройства. В Африке сделана попытка осуществить принцип мультикультурализма в политической практике Эфиопии. Прежде всего, следует отметить, что этничность в Эфиопии проявляется в различных областях – в функционировании партий, властных органов, армии, в общественной и экономической жизни, в области культуры и в других сферах.

Правительство, пришедшее к власти после свержения в 1991 г. режима Менгисту Хайле Мариама, официально декларировало федеральный принцип государственного устройства в полиэтнической стране, где насчитывается более 80 этносов. Согласно Конституции 1995 г., Федеративная Демократическая Республика Эфиопия – федеративное государство, состоящее из девяти штатов и управляемое федеральным правительством.

Конституция предусматривает предоставление регионам автономии, включая право на отделение. Нельзя не согласиться с выводами Р.Н. Исмагиловой о том, что федерализм нужен прежде всего для того, чтобы приблизить институты власти к интересам и нуждам различных этнокультур-

ных общностей, живущих в одном государстве, обеспечить условия для сохранения и развития культур народов, способствовать изживанию межэтнической напряженности и конфликтов.

При всех недостатках, имея в виду лишь тенденции, можно отметить некоторые позитивные моменты утверждения этнического федерализма в Эфиопии:

- законодательное закрепление и передача властных полномочий штатам;

- создание местных органов самоуправления, что дает возможность (при всех имеющихся недостатках) решать значительную часть проблем – как в области сохранения этнокультурного многообразия, так и в сфере налаживания межэтнических отношений;

- придание федеральному центру мультикультурного характера;

- предоставление гражданам возможности изучения и использования в обучении родных языков;

- законодательное закрепление основ этнокультурной автономии путем создания в некоторых штатах зон на узкоэтнической основе.

Вместе с тем события в Эфиопии показывают, что этнофедерализм пока не привел к существенному улучшению межэтнических отношений. Более того, после выборов в мае 2005 г. этнополитическая ситуация в стране крайне обострилась. Открытое недовольство ряда этнических групп вызвало массовые репрессии со стороны официальных властей [10, с. 28].

Демократия в полиэтническом обществе предусматривает признание этносов в качестве легитимных субъектов политики. В африканских странах продолжаются поиски государственно-административных форм общественного устройства, которые обеспечивали бы гражданское равенство независимо от этнической принадлежности, а этнокультурным обществам давали бы гарантии сохранения их культуры

и справедливого участия в экономической, политической и общественной жизни [11, с. 118].

Для сохранения и поддержания этнического баланса, учета интересов всех этносов и этнических групп важную роль играет институт этнических посредников (П. Шредер). Как правило, эта роль отведена элите, этническим лидерам, которые доводят требования своих этносов до национального правительства, а также информируют свои этносы о правительственных решениях, требованиях и пожеланиях. При этом этнические посредники должны уметь достигать соглашения не только среди соперничающих групп внутри своего этноса, но и с другими этносами при продвижении своих интересов на национальном уровне.

По мнению Р.Н. Исмагиловой, «необходимо импортировать традиционные методы разрешения конфликтов в современные системы» [12, с. 117]. В более широком контексте эта проблема была затронута в выступлении исследователя из Камеруна Э. Йеншу Вубо, который отметил, что «структуры традиционных организаций общинной жизни и социальной мобилизации способствовали проведению переговоров в критические периоды модернизации в Африке как на глобальном (национальном), так и на микроуровнях (общинном) [12, с. 117]. Больше того, по его мнению, эти структуры выполняют роль гражданского общества, поскольку служат «паллиативом проблемам выживания в экономике» через «союзы по сбережению средств», «кассы взаимопомощи», кредитные общества, потребительские кооперативы, органы по организации общественных работ, партии и движения для защиты неблагополучных слоев населения. Нельзя не согласиться с его мнением, что «они являются подлинной основой, вокруг которой реализуется современность, сохраняя преемственность с прошлым обществом» [12, с. 118]. Таким образом, проблема национальной интеграции в африканских странах требует учета традиционных факторов для достижения гражданского согласия.

***Политический плюрализм
и становление многопартийности в Африке***

В политической науке существуют различные взгляды на место политических партий в гражданском обществе.

Изучая различного рода институты, которые способствуют развитию демократии, А. де Токвиль особое внимание уделял политическим ассоциациям и партиям, которые он считал ключевыми институтами гражданского общества.

Политические ассоциации и партии артикулируют и представляют групповые интересы населения. Такой точки зрения придерживается классик политической науки, американский ученый С.М. Липсет, который в одной из последних работ особо подчеркивает центральную роль соперничества партий в развитии демократии, которая им непосредственно связывается со становлением гражданского общества.

Ряд исследователей отмечают, что партии действуют как посредники между гражданским обществом и государством. Так, Р. Кац и П. Мэйр пишут: «С одной стороны, партии агрегируют и представляют требования гражданского общества к государственной бюрократии, но с другой – они действуют как агенты этой бюрократии, защищая государственную политику перед населением» [13, с. 33]. Среди отечественных политологов такая точка зрения широко распространена. Ю.А. Юдин также отмечал, что партии являются «институтом гражданского общества» и действуют на основе публичного права и поэтому «становятся и публично-правовым институтом» [14, с. 17].

С.П. Перегудов подчеркивает «двухэтажную» структуру политических партий. Одна часть функционирует на уровне общества... а другая – на уровне государства (парламентские фракции и, если партия находится у власти, – формируемое ею правительство). На уровне общества партии выполняют общественные функции. Партии синтезируют импульсы, генерируемые в рамках гражданского общества, и

передают их в государственные структуры, прежде всего с помощью выборов. Такая «двухканальность», по мнению С.П. Перегудова, не может служить поводом для разведения единого общественного организма, каким является гражданское общество, которое взаимодействует «с государством и как с институтом, и как с олицетворением порядка и правовой культуры» [15, с. 59–60].

Цель политических партий состоит как в формировании, так и в реализации интересов тех слоев населения, от имени которых они выступают. «Партии, – отмечает К.С. Гаджиев, – соединяя гражданское общество с государством, способствуют преодолению или смягчению конфликтов, имманентно присущих их отношениям» [16, с. 144].

Как отмечалось выше, политические партии выявляют вызревающие в недрах общества социальные и иные запросы и транслируют их на уровень государственных институтов [17]. Автор разделяет точку зрения вышеназванных исследователей и считает, что современные африканские партии можно рассматривать в двойном качестве – как элемент гражданского общества и как составную часть политической системы. Однако это специфическое свойство присуще, по видимому, лишь неправящим (в т.ч. оппозиционным) партиям. Правящие же, занимая (даже в коалиционном формате) все или, в любом случае, ключевые позиции в государственной машине (политической системе), по определению «выпадают» из структур ГО как социального визави государства.

Многопартийная система, несомненно, способствует в африканских странах развитию политической активности, формированию и выражению интересов различных этносов, особенно в период избирательных кампаний и национальных референдумов. В этом случае партии становятся инструментом политической воли граждан, фактором, влияющим на исход волеизъявления населения.

В рамках гражданского общества важнейшей функцией политических сил должно стать согласование интересов

по основным направлениям социально-политической и экономической деятельности. В африканских странах существуют острейшие проблемы – бедности, медицинского обслуживания, развития регионов и т.д., по которым необходим консенсус политических сил. Эти проблемы находят отражение в программных документах большинства политических партий, но личностные амбиции и этнические предпочтения не способствуют выработке национального консенсуса. Важнейшей задачей партийного строительства в африканских странах должно стать формирование общенациональных партий.

Главная проблема плюралистической демократии заключается в совмещении борьбы различных сил за власть с обеспечением целостности общества, стабильности, единства в многообразии. Базисом такого единства может стать совпадение коренных интересов людей в организации политической системы общества.

Краеугольным методом решения этой проблемы становится политический диалог, сопоставление программ и выработка общей позиции, гражданского согласия. «Плюралистическая демократия, – отмечал французский политолог М. Дюверже, – требует минимального консенсуса между всеми партиями, несмотря на их расхождения. В особенности необходимо, чтобы они были согласны сосуществовать длительное время. Если этого не произойдет, то каждая из них будет стремиться злоупотребить властью, когда ее достигнет, и уничтожить другие партии, уничтожая, таким образом, плюрализм» [18, с. 84].

Политический плюрализм предполагает существование оппозиции – основополагающего признака демократии как власти большинства при уважении прав меньшинства [19, с. 152–159].

Становление многопартийной системы, подготовка и проведение выборов, деятельность африканских политических партий в ходе предвыборных кампаний дают опреде-

ленные возможности для уяснения их характерных особенностей и политической практики. При этом следует учитывать, что процесс перехода к партийному плюрализму на континенте начинался по-разному: в одних странах – со стихийного возникновения множества партийных образований и последующего законодательного оформления сложившейся многопартийности (Кения, Камерун), в других – с принятия новых конституций или соответствующих поправок к ним (Замбия, Кабо-Верде, Габон), в третьих – с законодательных актов, принятых национальными конференциями (Республика Конго, Мали).

Прежде всего, обращает на себя внимание многочисленность партий. В Нигерии, например, после легализации оппозиционных партий в конце 1990 г. было зарегистрировано 30 партий. Многие из них вскоре распались, а 17 под давлением властей составили две непрочные коалиции. В Мали в 1991–1992 гг. насчитывалось 47 партий, из них только три – Альянс за демократию, Суданский союз – Африканское демократическое объединение и Национальный комитет демократической инициативы – претендовали на общенациональную поддержку. При этом все они страдали от постоянной фракционной борьбы и внутренних расколов. На Мадагаскаре в парламентских выборах 1993 г. участвовали 122 партии и организации. Депутатские мандаты завоевали только 26 из них. В Камеруне в середине 2006 г. насчитывалось 176 партий, в Того – 70, Чаде – 78, Буркина-Фасо – 30. В Бенине на начало 2004 г. было зарегистрировано 150 партий. В результате на 45 тыс. жителей приходится одна политическая партия. Новое бенинское законодательство требует для регистрации новой партии, чтобы она насчитывала не менее 120 человек. Прежде было достаточно и 36 членов. В Демократической Республике Конго в 2006 г. в парламентских выборах приняло участие 260 политических партий [20, p. 207, 234, 269, 151, 105, 336].

Эта «множественность» не отражает идейно-политического разнообразия партийных программ и установок. Как правило, партии формировались по региональному и этническому признаку, несмотря на то, что в большинстве африканских стран такой принцип формирования запрещен конституциями. Например, конголезская партия Панафриканский союз за социальную демократию пользовалась поддержкой в областях Ниари, Буэнза, Лекуму, где проживают бембе; Конголезская партия труда, считавшаяся общенациональной, представляла интересы мбоши; кенийская КАНУ – в основном интересы кикуйю.

Бывший премьер-министр Франции М. Рокар пишет, что в Африке политические партии выполняют две функции: структурируют клиентелу лидера или выражают этническую, религиозную и языковую идентичность [21, р. 24].

Этническая основа африканских партий свидетельствует о продолжении процесса политизации этносов, отражает пестроту африканского населения, а также говорит о стремлении этнического объединения любого уровня иметь своего представителя во властных структурах. На политической сцене африканских стран имеется немало партий, отстаивающих, вопреки конституционным положениям, региональные интересы, что грозит нарушением территориальной целостности государства. Нередко центробежные тенденции проявляются в регионах, располагающих значительными природными богатствами, которые могут заинтересовать внешних инвесторов.

Официальный запрет трайбализма в большинстве стран Тропической Африки в значительной мере направлен на то, чтобы оппозиция не могла использовать этнический фактор в борьбе за власть. Именно поэтому оппозиционная организация, как правило, не столько отмежевывается от идеологии правящей партии, сколько стремится предстать перед избирателями в качестве партии, способной осущест-

вить ту же самую программу успешнее, чем это делает правящая партия.

Становление многопартийной системы в ряде стран происходит с большими трудностями и в борьбе с авторитарными тенденциями. В Уганде на протяжении 20 лет с 1986 г. деятельность ранее существовавших политических партий была официально запрещена, хотя они не были распущены и сохраняли свои структуры. Действовавшая на протяжении двадцатилетнего периода так называемая «непартийная демократия» характеризовалась деятельностью партии Национальное движение сопротивления (НДС) во главе с президентом Йовери Мусевени. НДС номинально объединяла все население Уганды. Концепция «непартийной демократии» аргументировалась преодолением партийных и этнорелигиозных разногласий.

Существовавшая иерархическая централизованная система управления в виде комитетов сопротивления (местные советы) пяти уровней выполнила свою задачу и возникла необходимость перехода к многопартийной политической системе, «открытому политическому пространству». В 2005 г. угандийский парламент принял решение об изменении конституции и переходе к многопартийной политической системе, а также о снятии ограничений на сроки пребывания в должности президента. На референдуме 28 июля 2005 г. большинство населения проголосовало за эти изменения.

В феврале 2006 г. состоялись президентские и парламентские выборы. Для участия в них были зарегистрированы 33 партии. Среди них, кроме правящей НДС, значился Форум за демократические перемены во главе с бывшим соратником И. Мусевени по партизанской борьбе К. Бесидже. Правящая партия НДС, выдвинувшая в предвыборном «Манифесте–2006 г.» лозунг на ближайшие пять лет «Процветание для всех», получила две трети голосов. Действующий президент Й. Мусевени набрал 59,26% голосов, более чем на

20% опередив своего главного оппонента К. Бесидже [22, с. 33].

Как уже отмечалось, программно-политический спектр новых партий не очень широк. Значительная их часть выдвигает демократические и либеральные задачи. Однако в реальной политической жизни на суд электората выносятся не различные стратегии развития, а взаимные обвинения. Оппозиция зачастую обвиняет правящую партию или коалицию в коррупции и различного рода скандалах; правящий режим стремится всеми силами скомпрометировать оппозицию и подчеркнуть свои достижения. При этом и те и другие пытаются завоевать симпатии избирателей заведомо невыполнимыми обещаниями.

В отличие от «старых» правящих партий, создававших свои массовые общественные организации (профсоюзы, молодежные объединения), почти все «новые» партии слабо связаны с обществом. Одна из причин этого явления заключается в чрезмерной социальной дезинтеграции, в низком уровне организованности отдельных групп общества, которые не могут стать мощной базой поддержки новых партий.

Немецкий политолог Г. Эрдман определяет «новые» партии как неопатримониальные. Их характеризуют следующие признаки: отсутствие политической программы (или она не имеет принципиального значения в практической деятельности партии) и постоянного бюрократического аппарата; преобладание неформальных отношений, опирающихся на разветвленную иерархическую систему патронажно-клиентельных связей. При этом партийное членство носит неформальный характер (хотя в отличие от клубных партий оно способно организовать массовую поддержку), а социальная база имеет территориально-партикуляристский характер [23, р. 397].

Особенность политических партий состоит в том, что их идейно-политическая основа редко содержит четко очерченные цели долговременного характера. Деятельность таких

партий скорее подчинена решению сиюминутных политических задач, которые в конечном счете определяются борьбой за власть. Откровенный прагматизм политических организаций часто выражается в изменчивости их программных установок, что ведет к формированию труднообъяснимых партийных союзов, блоков и коалиций.

Еще одной особенностью, характеризующей содержание партийной деятельности, является популизм партийных лидеров и всей партийной верхушки. Популизм проявляется в том, что в ходе предвыборных кампаний партийные лидеры дают массу невыполнимых обещаний, например, увеличить число рабочих мест и ассигнования на социальные цели, ликвидировать задолженность по зарплате и т.п. Прямым следствием популистского курса ряда политических организаций Африки могут служить кардинальные изменения их идеологических позиций. Примеры подобной трансформации обычно связаны с отречением от социалистических идеалов либо в пользу социал-демократических ценностей (Ангола, Мозамбик), либо – рыночных отношений (Мали, Бенин).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в африканских странах действуют и партии, имеющие четко сформулированные партийные программы. В их числе – бывшие правящие партии или их преемницы (МПЛА, ЗАНУ-ПТ, КПТ, Объединение тоголезского народа – ОН), а также некоторые «новые» пришедшие к власти партии. Например, обоснованные экономические и социальные ориентиры содержались в программах чадского Патриотического движения спасения, пришедшего к власти в 1993 г., нигерского Демократического и социального конвента («Рахама») и ряда других организаций.

Особенности партийно-политической жизни африканских стран со всей очевидностью проявились в процессе перехода от однопартийности к партийному «плюрализму». Едва ли не единственной целью партийной борьбы стало завоевание власти, причем любыми способами. При этом на-

ционально-государственные интересы, как правило, оказывались далеко на периферии политических дискуссий. Подобная практика, граничащая с так называемым политическим аморализмом, приводила к трагическим последствиям – гибели сотен и тысяч людей, – а в некоторых странах провоцировала и затяжные гражданские войны (в Сьерра-Леоне, Демократической Республике Конго, Либерии и др.). Неспособность многих партий консолидировать политические силы и положить конец междоусобице имела весьма негативные последствия.

Так, на протяжении всего независимого развития Мадагаскара политический процесс характеризовался соперничеством различных политических сил. Особую остроту приобрела борьба против авторитарного стиля правления президента страны Д. Рацираки, который находился у власти с 1975 по 2001 г. (с небольшим перерывом с 1993 по 1996 г.).

Главной политической организацией Д. Рацираки была партия Авангард за обновление Мадагаскара, которая имела в Национальном собрании 40% депутатских мандатов (63). Однако на выборах в парламент в декабре 2002 г. партия получила всего три места. Победу одержала партия ТИМ – «Я люблю Мадагаскар», получившая 102 места из 160. Партия ТИМ была создана на базе широкого блока политических сил, в котором ведущую роль занимают предпринимательские и церковные круги. Во главе партии стал мэр столицы Антананариву предприниматель М. Равалуманана.

16 декабря 2001 г. в стране состоялись президентские выборы, основными кандидатами выступали Д. Рацирака и М. Равалуманана. По официальным данным, ни одному из кандидатов не удалось получить необходимого для избрания 51% голосов. В результате в стране требовалось провести второй тур голосования.

М. Равалуманана не признал итогов выборов и отказался участвовать во втором туре. Сторонники мэра поддер-

жали его решение и вышли на улицы городов, требуя отставки Д. Рацираки и утверждения М. Равалумананы на посту президента. Митинги и демонстрации переросли во всеобщую политическую забастовку, которая длилась более полутора месяцев. Д. Рацирака со своими ближайшими сторонниками был вынужден покинуть столицу и обосноваться в городе Туамасина, который был объявлен новой столицей Мадагаскара.

На волне массовых выступлений М. Равалуманана 22 февраля 2002 г. провозгласил себя президентом и главнокомандующим вооруженными силами, сформировал новое правительство. В свою очередь Д. Рацирака, опираясь на поддержку губернаторов большинства провинций и сохранивших ему верность элитных силовых структур, попытался подавить выступления оппозиции. Им были предприняты меры чрезвычайного характера: была установлена полная блокада столицы Антананариву и других городов, перекрыты дороги и мосты. В результате была парализована национальная экономика, возникли серьезные перебои в снабжении населения продовольствием, топливом. Раскол в обществе привел к вооруженным столкновениям.

Ряд международных организаций, и в первую очередь ОАЕ, предлагали свои посреднические услуги противоборствующим сторонам, но только спустя три месяца, 18 апреля 2002 г., в Дакаре при содействии ОАЕ, президентов Бенина, Сенегала, Кот-д'Ивуара и Мозамбика Д. Рацирака и М. Равалуманана достигли компромисса и подписали соглашение о путях выхода страны из политического кризиса. На основании решения Высшего Конституционного суда 6 мая 2002 г. М. Равалуманана был провозглашен президентом страны [24, с. 28–30]. На очередных президентских выборах в декабре 2006 г. М. Равалуманана был переизбран главой государства уже в первом туре, набрав 54,8% голосов [25, с. 59].

На состоявшихся в декабре 2002 г. парламентских, а в ноябре 2003 г. муниципальных выборах с большим преимуществом победила президентская партия ТИМ. Причина столь стремительного карьерного взлета бывшего столичного мэра М. Равалуманана заключается в самой личности нового президента. М. Равалуманана – предприимчивый и крупный бизнесмен, эффективный организатор и хозяйственник. Он начал свою карьеру с работы уличного торговца, но со временем добился крупных успехов в предпринимательской деятельности. Поддержку избирателей принесла не столько его предвыборная программа, сколько желание широких слоев населения изменить свою жизнь к лучшему, а его личный пример был весьма привлекателен.

В своей предвыборной программе М. Равалуманана подверг резкой критике существовавшую в стране систему государственного управления, выдвинул лозунг «быстрого и стабильного развития» при «новом отношении к работе». Появление на политической сцене такого лидера страны – показатель существенных сдвигов в настроениях малагасийского общества, когда социально-экономические соображения вытеснили регионально-этнические и религиозные моменты на второй план. Нового президента поддержали ранее соперничавшие народности, а католическая церковь отдала предпочтение президенту-протестанту.

Дальнейшая политическая судьба М. Равалуманана сложилась весьма драматично. Будучи президентом, он продолжал преследовать свои узкокорыстные интересы, оставаясь главным предпринимателем страны. М. Равалуманана назначал управляющих своих компаний на государственные должности, продвигал президентские бизнес-проекты, разрешил аренду земли иностранным компаниям и т.п. При этом он стремился к централизации государственной власти и концентрации основных рычагов экономики. Эти действия затрагивали интересы политического класса, особенно офицерского корпуса.

М. Равалуманана полагал, что расходы на вооруженные силы ложатся тяжелым бременем на бюджет страны, поэтому их содержание вряд ли целесообразно.

Эти и другие факторы были использованы молодым амбициозным мэром столицы Антананариву Андри Раджоелиной, который вывел на улицу молодых горожан.

Демонстрации столичной молодежи привели 17 марта 2009 г. к свержению президента Мадагаскара.

Аналогичная ситуация сложилась в Кении. В этой стране 27 декабря 2007 г. состоялись президентские, парламентские выборы, а также выборы в местные органы власти.

В президентских выборах приняло участие восемь кандидатов, однако основная борьба развернулась между действующим президентом Мваи Кобаки, который баллотировался на второй президентский срок, и Раилой Одингой.

Выборы вновь продемонстрировали огромную роль этнического фактора в политической борьбе. Следует иметь в виду, что 36 млн жителей Кении представляют 40 этносов. Наиболее многочисленные из них – кикуйю (22% населения), лухья (14%), луо (13%), каледжин (12%) и камба (11%). М. Кобаки – выходец из народности кикуйю, а Р. Одинга – представитель луо.

Уже первые предварительные итоги выборов подтвердили лидерство М. Кобаки, что привело к массовому выступлению сторонников Р. Одинги. Последние обвинили власти в фальсификации результатов голосования и потребовали пересчета бюллетеней или второго тура выборов. Ситуацию обострила победа оппозиции на выборах в национальный парламент, где блок партий во главе с Р. Одингой получил вдвое больше голосов, чем партии, которые поддерживали М. Кобаки.

Массовые акции протеста оппозиционных сил переросли в кровавые беспорядки, унесшие жизни нескольких сотен человек. Демонстрации и акции протеста продолжались в январе-феврале 2008 г. Только вмешательство между-

народных организаций и Африканского союза, а также деятельность бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана способствовали урегулированию конфликтной ситуации [26].

Надо сказать, что, как правило, побежденные партии оспаривают итоги выборов, отказывают в легитимности победы своего соперника. В Нигерии после выборов в 2003 г. оппозиционные партии создали постоянно действующую Конференцию нигерийских политических партий, в рамках которой стремились саботировать все инициативы правящей Народно-демократической партии по реформированию экономической и политической структуры страны [12, с. 51]. Оппозиция оспорила и президентские, и парламентские выборы, которые прошли в этой стране в апреле 2007 г.

Ведущей тенденцией в формировании многопартийной системы стало доминирование какой-либо одной партии, выполняющей функцию консолидации существующего политического режима.

Переход к многопартийности потребовал определить правовой статус политических партий. В условиях однопартийной системы правовой статус правящей политической партии – ее монопольное положение в политической системе, как правило, закреплялось конституцией. При отсутствии других политических партий в специальном правовом акте, который регулировал бы партийную деятельность, не было никакой необходимости. Иные «правила игры» складывались в многопартийном государстве. В новой политической системе образование и деятельность партий должны были быть поставлены в определенные правовые рамки. Значение этого требования не умалялось даже тенденцией к формированию партийно-политических систем с так называемой доминирующей партией. Подобные системы складывались в Ботсване, Замбии, Зимбабве, Кении, Конго, Мали, Мозамбике, Намибии, Танзании, ЮАР.

В африканских странах основы правового статуса политических партий определяются конституционными нормами. Значение этих норм исключительно велико: во-первых, само их включение в основной закон означает признание на конституционном уровне политических партий как самостоятельного конституционно-правового института; во-вторых, они образуют основу правовой регламентации партий, осуществляемую всеми другими нормативными актами. Как правило, конституции закрепляют принцип политического плюрализма, определяют роль политических партий в обществе и государстве, устанавливают требования, соблюдение которых обеспечивает партиям право на легальную деятельность.

Так, Конституция Республики Конго 2002 г. закрепила принцип политического плюрализма, что особенно важно для государства, где ранее действовал однопартийный режим. Вместе с тем в конституции было четко прописано, что создание партий на этнической, региональной, а также религиозно-сектантской основе запрещено. В основном законе Конго определено общее предназначение политических партий, которые призваны защищать и отстаивать фундаментальные права человека, способствовать консолидации национального единства, территориальной целостности. Отмечалось, что политические партии страны должны защищать демократические принципы, бороться с нетерпимостью, этническим экстремизмом и любыми попытками дестабилизации общества, уважать светский характер государства [27, p. 9].

В соответствии с положением новой Конституции 1992 г. в Гане была восстановлена многопартийная система. Чтобы предотвратить попытки ограничения или отмены этого положения, Конституция не разрешает парламенту издавать законы о введении в стране однопартийной системы. В частности, в ст. 3 говорится, что «парламент не вправе принять закон, учреждающий однопартийное государство», а

согласно ст. 55 «парламент не вправе принять закон, учреждающий или уполномочивающий учредить орган или движение, обладающие правом или властью навязать народу Ганы общую программу или комплекс целей религиозного или политического характера» [28]. Признаются незаконными действия, направленные на ограничение политической деятельности. Конституция декларирует принципы политического плюрализма, что закреплено в разделе «Политические партии».

В статье третьей Конституции Республики Сенегал говорится, что «политические партии конкурируют в борьбе за голоса избирателей. Они уважают конституцию и принципы национального суверенитета и демократии. Партиям запрещено объединяться по расовому, этническому, сексуальному, религиозному, языковому или региональному принципу» [29, р. 7].

На основе конституций в большинстве африканских стран приняты специальные законы о политических партиях. В Гане, например, согласно такому закону, принятому 18 мая 1992 г., каждый гражданин, достигший избирательного возраста, имеет право создавать политическую партию или вступать в нее и заниматься политической деятельностью. Любое лицо, препятствующее осуществлению этого права, совершает преступление и может подвергнуться штрафу на 50 тыс. седи, или тюремному заключению на срок до двух лет, или тому и другому вместе.

Закон запрещает воссоздавать старые партии (приводится список из 21 запрещенной партии); создавать новые на этнической, региональной, профессиональной или религиозной основе; использовать слова, лозунги или символы, которые могли бы вызвать этнические, региональные или религиозные разногласия.

Согласно закону, партии подлежат регистрации в избирательной комиссии. Закон определяет условия регистрации партий, требования к учредителям и руководящему со-

ставу, порядок отчетности и ведения документации, называет причины, по которым партии может быть отказано в регистрации или из-за чего регистрация может быть отозвана [30].

Наряду с общими законами о политических партиях, определяющими их правовой статус, имеется немало законодательных актов, регулирующих отдельные стороны партийной деятельности, например избирательные законы, регламентирующие участие партий в выборах, законы о печати и информации, определяющие порядок использования партиями средств массовой информации, и т.п. [14, с. 124–143]

Конституция Гвинеической Республики, принятая в декабре 1990 г., содержит положение о постепенном переходе к демократическому обществу и предусматривает создание двухпартийной политической системы (ст. 95). В ней закреплены общие принципы деятельности политических партий, устанавливается, что они «формируются по всей территории страны и не должны создаваться по расовому, этническому, религиозному или территориальному признаку. Они обязаны также соблюдать принципы национального суверенитета и демократии, территориальной целостности и общественного порядка» [31].

В Мали на Национальной конференции в 1991 г. была принята Хартия политических партий, по которой запрещалось формирование партий на конфессиональной основе, членство в них служащих государственного аппарата и магистратуры, а также финансирование партий из государственного бюджета.

В 2000 г. Национальное собрание внесло существенные изменения и дополнения в Хартию и приняло закон о статусе оппозиции. В обновленной Хартии запрещается формирование партий на этнической, религиозной, языковой, региональной, половой или профессиональной основе. В партию запрещено вступать судьям всех уровней, служащим контрольных органов, госсвета, военнослужащим, послам и генеральным консулам.

Деятельность партий не должна наносить вред безопасности и общественному порядку, им запрещается иметь военные или полувойсковые формирования. Партии призваны способствовать созданию правового государства, упрочению демократии. Они могут иметь свою прессу, но не должны призывать к насилию и распространять клеветническую информацию.

«Статус оппозиции» провозгласил оппозицию важнейшим элементом плюралистической демократии. Любая партия или коалиция партий имеет право быть в оппозиции как в рамках парламента, так и вне его. Оппозиция имеет право следить за деятельностью правительства и высказывать критические замечания в целях развития демократии и прогресса. Оппозиция пользуется юридической защитой, имеет свободный доступ к информации, а также получает ее в государственных учреждениях. Оппозиционная партия может принять участие в формировании правительства или поддерживать его деятельность, но в таком случае она перестает быть оппозиционной [32, с. 98].

Сложившуюся внутрипартийную структуру имеют «новые» правящие партии, политические организации, некоторое время находившиеся у власти (в том числе их преемницы), а также те из оппозиционных партий, которые располагали солидным опытом легальной деятельности (такие партии были в Тунисе, Египте, Ботсване, Сенегале, на Маврикии и в некоторых других странах).

Бывшие правящие партии (ФРЕЛИМО, КПТ, ЗАНУ-ПТ, Объединенная партия национальной независимости (ЮНИП) в Замбии) имеют действующие уставы, территориальные секции, сформированные высшие партийные органы, выборные должности председателей, президентов и генеральных секретарей. Они достаточно регулярно проводят съезды и другие партийные форумы.

Особое внимание новое законодательство стран уделяет вопросу о членстве в политических партиях. При одно-

партийной системе в ряде стран членство в правящей партии было не добровольным, а обязательным или автоматическим (например, по конституциям Заира и Руанды все граждане объявлялись членами правящих партий). Именно поэтому новое законодательство большинства стран подчеркивает добровольный характер членства в политических партиях. Например, в законе Кабо-Верде говорится, что членство в политической партии является свободным, не может быть обусловлено никаким обязательством вступить в какую-либо партийную организацию или оставаться в ней. При этом никто не может быть лишен своих гражданских, политических и профессиональных прав по причине принадлежности или непринадлежности к какой-либо партии. Вместе с тем следует отметить, что преобладающей тенденцией законодательного регулирования этого вопроса становится лишение военнослужащих и работников правоохранительных органов права на членство в партиях (Алжир, Ангола, Бенин, Конго, Камерун и др.).

Перевод правовых предписаний в реалии политической жизни – это длительный и сопряженный с большими трудностями процесс, особенно в условиях африканского общества с его неразвитыми социально-экономическими и политическими структурами, отсутствием прочных демократических традиций и гражданской политической культуры.

Вместе с тем «в последние годы наблюдается существенное расширение демократических принципов. С 2001 и до конца 2007 г. в африканских странах прошло более 45 выборов на многопартийной основе, более эффективной становится законодательная власть, появляются ростки гражданского общества» [33, с. 10].

Формирование политических партий дало стимул для становления новой многопартийной политической системы, ядром которой остается государственная власть; в ее рамках особое значение продолжает сохранять исполнительная власть. Дальнейшее укрепление новой партийно-

политической системы во многом будет зависеть от взаимодействия и согласованности этнополитических элит, их способности к национальной консолидации, а также темпов и размаха политической модернизации.

Таким образом, партия как составная часть формирующейся современной политической системы в странах Африки находится в начале своего пути. От того, станет ли многопартийность ключевым элементом гражданского общества, будет зависеть стабильность африканских государств и решение стоящих перед ними социально-экономических проблем. Пока же результаты введения партийного плюрализма не внушают особого оптимизма, несмотря на то, что оно, конечно, дало толчок развитию общественной активности и росту социально-политического сознания значительной части африканского населения.

Л и т е р а т у р а

1. См.: *Кулинченко В.А.* Тенденции развития политического плюрализма в современной России // Политический плюрализм в современной России. – М., 2001.
2. *Алексеева Т.А.* Плюрализм: истоки и концепции // Там же.
3. Антология мировой политической мысли: В 5 т. – Т. II. Зарубежная политическая мысль. – М., 2007.
4. *Даль Р.* Демократия и ее критики. – М., 2003.
5. См.: *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. – М., 1994.
6. Большинство российских ученых разделяют точку зрения русского исследователя С. Широкогорова по поводу понятия «этнос». Он определяет его как группу людей, «говорящих на одном языке, признающих свое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освященными традицией и отличаемых ею от таковых других групп». – Цит. по: *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. – М., 2003.
7. См. *Kuper L., Swith M.* (eds.). *Pluralism in Africa.* – Berdley and Los Angeles, 1969.

8. *Diagne P.* Pluralism and Plurality in Africa // Democracy and Pluralism in Africa / Ed. by Dov Rohen Boulder. – Colorado, 1986.
9. См.: *Борисов А.А.* Глобализация и американская этнокультурная модель // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Политическая наука. Ежегодник. 2005. – М., 2006.
10. *Исмагилова Р.Н.* Эфиопия: этничность и федерализм // Нестабильность в Африке: уроки прошлого и современные процессы. – М., 2006.
11. См.: *Исмагилова Р.Н.* Этничность и федерализм: опыт Эфиопии // Этнографическое обозрение. – 2008. – №1.
12. См.: XI конференция африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия» (Москва, 22–24 мая 2008 г.). Тезисы. – М., 2008.
13. *Кац Р., Мэйр П.* Изменение моделей партийной организации и партийной демократии. Возникновение картельных партий // Политическая наука. – М., 2006.
14. *Юдин Ю.А.* Политические партии и право в современном государстве. – М., 1998. – С. 17.
15. *Перегудов С.П.* Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель // Полис. – 1995. – № 3.
16. *Гаджиев К.С.* Политическая наука. – М., 1994.
17. См.: *Чижов Д.В.* Российские политические партии как институт гражданского общества и политической системы. – М., 2006; *Он же.* Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. – М., 2008.
18. Социально-политические науки. – 1999. – № 12.
19. См.: об этом: *Винокуров Ю.Н.* Власть и оппозиция в странах Тропической Африки // Восток. – 2000. – № 4.
20. *Africa South of the Sahara 2007.* – L. and N.Y., 2007.
21. *Rocard M.* Le développement de L'Afrique, affaire de volonte politique // Etudes. – P., 2003. – № 1.
22. Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 8.
23. *Africa Spectrum.* Hamburg. – 1999. – № 3.
24. В таинственной стране Мадагаскар. Год 2005. – М., 2006.
25. Компас. ИТАР-ТАСС. – 2006. – № 51.

26. См.: об этом: *Косухин Н.Д.* Африка южнее Сахары: партийно-политические системы и проблемы плюрализма властных структур // *Азия и Африка сегодня*. – 2008. – № 5.
27. *La Constitution de la République de Congo*. – Brazzaville, 2002.
28. *Constitution of the Republic of Ghana*. – Accra, 1992.
29. *Constitution de la République du Senegal*. – Dakar, 1992.
30. *Political Parties Law*. – Accra, 1992.
31. *La Loi Fondamentale de la République de Guinée*. *Horoya Spécial, Conacry*. XII. – 1991.
32. Республика Мали: Справочник. – М., 2005.
33. *Васильев А.М.* Африка: виден ли свет в конце тоннеля? Доклад на XI конференции африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия».